

XIX веков – всего 32 рукописи. Книжечки небольшого формата, в простых кожаных переплетах, все эти помянники принадлежали крестьянам, проживавшим на о. Кижи и в соседних поселениях (деревни Корба, Потаневщина, Кургеницы, Боярщина, Шлямино и т. д.). Заонежские помянники свидетельствуют о высокой духовной культуре местных крестьян, о почитании ими своих предков, о семейной памяти, глубоко, на многие поколения, уходящей в историю рода. Данные источники могут быть интересны для изучения местной ономастики, топонимии, истории заонежских крестьянских родов.

А. В. Пигин,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

КАРЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА

Впечатления Андрея Платонова от нашего края, его природной мощи и самобытной национальной культуры оформились в два шедевра платоновской прозы – рассказы «Среди животных и растений» (1936) и «Сампо» (1943).

В середине 1930-х годов продолжают напряженные раздумья Платонова о возможностях социалистической жизни. Исключительно важен для ее понимания рассказ «Среди животных и растений», который имеет несколько вариантов: «Среди животных и растений», «Лобская гора», «Стрелочник», «Жизнь в семействе». Два первых – рукописные варианты (без цензурной правки). Платонов специально приезжал в Карелию в творческую командировку в 1936 году для встречи с ударником социалистического строительства, кавалером ордена Красной Звезды стрелочником станции Медвежья Гора Кировской железной дороги И. А. Федоровым. Он и стал прототипом главного героя. В рассказе сохранена карельская топонимика: Лобская гора, Медвежья Гора, Петрозаводск, главный карельский гидроним – Онежское озеро.

Рассказ готовился для коллективной книги о героях-железнодорожниках, однако не попал в нее как лишенный героического пафоса. Это был большой государственный заказ Союзу писателей от нового наркома путей сообщений Л. Кагановича: «Создать “Чапаева” железнодорожного транспорта». Обсуждение рассказа Платонова состоялось на заседании редколлегии 13 июля 1936 года, где он подвергся резкой критике: язык, стиль, сюжет, философия – все оказалось неприемлемым. Спор со временем в произведении развернулся по принципиальным вопросам: отношение искусства к действительности, правда, герой, смысл жизни. Поэтому Платонов продолжает борьбу и публикует рассказ в 4-м

номере журнале «Индустрия социализма» за 1940 год под названием «Жизнь в семействе». В качестве научного термина лексема «семейство» хранит память о первом названии «Среди животных и растений»: семейство – общая категория в систематике растений и животных, объединяющая близкие по происхождению роды.

«Среди животных и растений» («Жизнь в семействе») можно рассматривать как рассказ о становлении личности. Оба названия «напоминают» двух забытых цивилизацией воспитателей человека – природу и семью. Рассказ открывает описание леса, которое становится метафорой социально-исторической жизни. Сложный организм леса хранит и предлагает на выбор человеку разные модели жизни: терпеливое стояние дерева, незаметное существование насекомых, жизнь птиц, травоядных животных, хищников. Что выберет человек, вступающий в мир леса под защитой и с угрозой ружья? Рассказ «готовит» художественные формулы «прекрасного и яростного мира» и «особенности человека», столь важные в последующем творчестве А. Платонова. Повествователь ведет речь о «населении» леса, где у каждого животного свое «лицо» и «биография». Тварный мир наделен антропоморфными чертами – не только внешними, но и внутренними – душа, сознание. В художественном фокусе автора – не природный источник зла в социуме, а гуманистический потенциал природы, и дуальная (зоосоциальная) природа человека – главный источник зла. При этом речь у Платонова идет о «хороших людях». Главный герой рассказа – народный интеллигент, с сердцем и совестью, с потребностью «иметь в душе понятие об истине жизни». Из истины «противоречивого» существования (зоологическая/социальная природа человека, мечта/реальность, ум/чувство, душа/тело и т. д.) нельзя выйти, но в жизни можно и должно нравственно определиться. Человек, по убеждению отца Федорова, передающего сыну народный опыт жизни, идет в лес с ружьем «по бедности» или «по глупости». Охота «по бедности» – потому что человек плотояден, ограничен в своих возможностях, потому что непереносимо его социальное существование и надо избыть накопленное зло. Охота «по глупости» – это если люди «били зверя с любовью» и при этом «чувствовали себя начальниками, благодаря ружью». Охота «по глупости» становится в рассказе перифразом «героического социализма», где «великие люди... трясут всю судьбу». Пространство советской жизни в рассказе не выглядит цельным, оно разъято на здесь (жизнь на разъезде) и там (социалистический город): «Там была наука, слава, высшее образование, метрополитен, а здесь лес, животные, семейство, обычная вещь, но нужно пока терпеть и не ссориться». Пространственная оппозиция там/здесь представляет не только социальную драму настоящего, но и вечный разрыв между реальностью и мечтой. Главный герой ищет слу-

чая попасть в ту, настоящую, жизнь и попадает – ценой героической жертвы. Он становится героем на случай и инвалидом на всю жизнь. Москва (сакральное там социализма) занимает в рассказе более чем скромное место. Автор опускает «московский» сюжет, а герой о своем месячном пребывании в столице, где его награждают орденом, говорит скупом. Для автора и героя куда важнее его возвращение из Москвы на родину, в семью, к привычным обязанностям – здесь его место в жизни. Достойно нести бремя повседневности – такова платоновская версия подвига в рассказе «Среди животных и растений», но сколько трагизма в этом повествовании о жизни человека, который не смог «очеловечить» мир и должен смиренно вернуться в природу, чтобы совместно искать выход в лучшую жизнь.

В творчестве Платонова 1930-х годов ряд исследователей усматривают утрату масштабов, кризис идей. Однако кризис для художника – форма освобождения, обновления. Не идея жизни, но сама жизнь становится героем Андрея Платонова.

И. А. Спиридонова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ ГОРЫ? (ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОЛЬКЛОРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЗАГАДКИ)

Форма вопросно-ответного диалога типична для жанра загадки и является его признаком, отличающим от всех других жанров фольклора. В ходе анализа синтаксической структуры загадки приоритетными оказываются методы синтагматического анализа, так как они позволяют определить способы построения образной части и отгадки, а также специфику синтаксиса жанра в целом. При уяснении смысла образной части и отгадки, толковании окказионального значения слов, мотивации использования отдельных лексем и их поэтической функции преимущество получает парадигматический подход. Я. И. Гин, опираясь на классификацию А. П. Журавлева, говорит о трех типах мотивированности значений языкового знака в загадочном тексте: «...семантическом, фонетическом и морфологическом».

Среди загадок о языке как части человеческого тела есть текст, который утратил изначальный смысл и без специального исследования не поддается рациональному толкованию.

– *Что тяжелее горы?*

– *Язык.*

В ходе поиска отгадки возникает ряд вопросов: почему язык сравнивается с горой, почему язык тяжелее горы, есть ли в загадочной части какие-либо подсказки? Для начала сопоставим

приведенную загадку с текстами, относящимися к этому предмету загадывания: может быть, в них найдется подсказка.

Под небом дощечка

Не сохнет,

Не мокнет,

Не куржавеет.

Лежит – мертвец,

А когда встанет –

До неба достанет.

Известно, что игра омонимами является одним из приемов создания загадки. Здесь семантика слова *нёбо* как «верхняя часть полости рта» проявляется только при сопоставлении с отгадкой. В образной же части оно мыслится по-иному: «видимое над землей пространство в форме свода, купола». На первый взгляд, ответ кажется ясным: язык, внешне сходный с горой, не поднять на небо во рту, так как мешает небная перегородка. Однако в загадочной части употреблена сравнительная степень имени прилагательного, форма которого говорит о том, что гору на небо поднять можно, а язык нельзя. В Словаре В. И. Даля находим производное от слова *гора* прилагательное *горный* со значением *небесный, до мира духовного относящийся*. Славянские мифы небо называют «божьем домом», «домом всего мира». Там обитают боги и души святых праведников. Народная поэзия изображает космос в виде терема, а небо представляет в виде *горы*, острова, поля с цветами-звездами. Под прозрачным твердым сводом голубеет водное небо, или «хляби небесные».

Загадки о языке прекрасно передают мифическое представление древнего человека о космосе, соотнося вселенную со своим внутренним устройством. На небе, поверх небной перегородки, находится «гора», а язык в виде доски, колоды, камня лежит в *подполье*, в *море*, в *болоте*. Так разрешается, на первый взгляд, простой вопрос: *Что тяжелее горы?*

В. В. Чернышев,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка историко-филологического факультета КГПА

ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРОВ КАРЕЛИИ

В XIX веке начинается процесс формирования национальных композиторских школ. Главным в их становлении является изучение фольклора своего народа и стремление воплотить его в собственном творчестве. Это касается абсолютно всех школ, в том числе и русской. Развитие профессионального композиторского искусства в